

Глава 59: Всплытие на поверхность

—

XVI.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, в ворота поместья цзюньцзюня громко постучали.

Слуга тут же со всех ног бросился в главные покои к Гу Сьюаню с вестью: прибыли люди из Министерства наказаний, дело чрезвычайной важности, не терпящее ни секунды промедления.

Гу Сьюань рывком сел на кровати.

Се Чаньюэ, разбуженный шумом, сонно потерся личиком о поясицу и бедро мужа, что-то невнятно ворча:

— Муж... когда всё закончится, обязательно попроси императора повесить тебя и прибавить жалованья. Разве это дело — так работать?..

Гу Сьюань ущипнул его за щеку и холодно бросил:

— Не ерзай.

Чаньюэ тут же распахнул глаза и, вскинув голову, намеренно потерся еще несколько раз о его бедра. Глядя на определенное место, он расплылся в торжествующей улыбке:

— Ой, муж, ты так взволнован... Но тебе ведь нужно спешить в Министерство, верно? Бедняжка...

Гу Сьюань молча смотрел на него, и в глубине его зрачков, казалось, начал собираться шторм.

Сердце Се Чаньюэ екнуло. Он струсил. Вцепившись обеими руками в одеяло, он начал молча пятиться к изножью кровати.

Видя этот забавный маневр, Гу Сьюань тихо хмыкнул и поманил его пальцем:

— Подойди.

Се Чаньюэ замотал головой, пробормотав сбивчиво:

— Муж, тебе пора идти.

Сьюань прищурился, вытянул свою длинную руку, притянул беглеца к себе и, прижав к груди, принялся яростно кусать сначала его алые губы, а затем и шею.

Спустя мгновение уголки глаз Се Чаньюэ покраснели, и он жалобно потирал шею:

— Ну вот, сегодня я снова не смогу выйти на улицу.

— Не выйдет, — покачал головой Сьюань.

— ... — Чаньюэ уставился на него. — Муж, я серьезно, ты становишься всё более... «тем самым». Ты что, нарочно хочешь заставить меня разгуливать по городу в таком виде?

Гу Сьюань кивнул:

— Угу. Вот такой я плохой и извращенный.

— ... — Се Чаньюэ надул губы.

Довод был убийственно убедительным. И вправду — извращенец, причем совершенно искренний в этом.

Гу Сьюань невольно рассмеялся, ласково погладил след на его шее и прошептал:

— Тебе нужно выйти из дома по важному делу. Слушай внимательно: после завтрака отправляйся в...

Дослушав наставления до конца, Се Чаньюэ серьезно кивнул:

— Я сделаю всё, как ты сказал. Но и ты береги себя.

Гу Сьюань запечатлел поцелуй на его чистом лбу, откинул одеяло и, быстро одевшись, вышел за дверь.

Прибыв в Министерство наказаний, Гу Сьюань сразу узнал о случившемся. Оказалось, что сегодня на рассвете Коу Юанью оставил на стене предсмертную надпись, в которой взял всю вину на себя, утверждая, что действовал в одиночку, после чего попытался покончить с собой.

К счастью, перед уходом Гу Сьюань тайно приказал гвардейцам Лунсян нести скрытый караул. Они успели перехватить преступника в самый последний момент.

Выслушав доклад, Гу Сьюань первым делом окинул долгим спокойным взглядом обливающегося потом Цинь Хуая.

— Ученый Гу, в этот раз мы обязаны вам... — Цинь Хуай неловко улыбнулся, в душе проклиная Коу Юанью и всех его предков до восемнадцатого колена.

Вчера днем он так самоуверенно клялся Сьюаню, что тюрьма Министерства наказаний — это крепость, где и мышь не проскочит... И вот, едва закончилась утренняя аудиенция, он еще до ворот дворца не успел дойти, как получил весть: Коу Юанью чуть не отдал концы.

Гу Сьюань не стал глумиться или отчитывать господина Циня. Глядя на этого пятидесятилетнего старика, который всё еще тяжело дышал — вероятно, бежал всю дорогу от самого дворца, — он почувствовал даже тень сочувствия.

Рядом в таком же состоянии пребывали глава Судебного ведомства и верховный цензор.

«А ведь должность ученого-чтеца пятого ранга — вещь неплохая», — подумал Сьюань. У маленького чина есть свои плюсы: по крайней мере, не нужно вставать посреди ночи на аудиенции.

Откинув лишние мысли, он обратился к гвардейцу Лунсян:

— Как именно он пытался покончить с собой? Когда его заводили сюда, его обыскали до нитки. Инструментов нет, значит, он не мог перерезать горло или повеситься. Прокусить язык или расшибить голову об стену — тоже вряд ли. Неужели яд?

Причина, по которой он исключил стену и язык, была проста: в том состоянии, в котором Коу Юань валялся на полу, ему пришлось бы биться головой о камни десятки раз, чтобы убится. Тюремщики бы это заметили раньше, чем гвардейцы успели бы вмешаться.

А прокусить язык — и вовсе невозможно. Гу Сьюань, опираясь на научные знания, понимал: человек физически не способен откусить корень собственного языка. А если бы каким-то чудом он это сделал, то обильное кровотечение из капилляров вряд ли привело бы к смерти; шанс захлебнуться кровью — меньше одного процента.

Гвардеец Лунсян сложил руки в приветствии:

— Господин Гу зрит в корень. Действительно, это был яд. Как только я отобрал пузырек, мы немедленно вызвали тюремного лекаря. Это был «Красный гребень» (Хэдинхун) — яд, убивающий при попадании в кровь.

[*Хэдинхун (砒霜, hè dǐng hóng) — легендарный яд в китайской культуре, часто ассоциирующийся с мышьяком.]

— Красный гребень? — Гу Сьюань обвел всех взглядом. — Кто входил к нему после моего ухода? Всех до единого — ко мне. Тех, кого нельзя привести немедленно — под домашний арест, а в домах провести обыск.

Распорядившись, он сел за стол рядом с Цинь Хуаем и остальными.

Сьюань посмотрел на Коу Юань, который лежал на полу бесформенной кучей:

— Генерал Коу, вы и впрямь неординарный человек. Даже Хэдинхун решились проглотить.

Цинь Хуай горестно воскликнул:

— Говорят, лучше плохо жить, чем хорошо лежать в гробу! К чему такая крайность, генерал? Не лучше ли повиниться и искупить вину заслугами?

Коу Юань не стал орать или сверкать глазами, как вчера. На его лице застыло странное выражение, в котором читался затаенный страх. При словах Цинь Хуая в глубине его глаз промелькнуло сомнение.

Гу Сьюань прищурился и тут же решил ковать железо, пока горячо:

— Раз за целую ночь генерал Коу так ничего и не понял, да еще и проявляет такое упрямство, то не вижу смысла церемониться. Пусть-ка он на самом деле почувствует вкус «Красного гребня».

Услышав это, Цинь Хуай и двое других судей оторопели и принялись наперебой уговаривать его:

— Господин ученый, не горячитесь! Хэдинхун — это верная смерть. Коу Юань — ключевой свидетель, мы не можем позволить ему так просто испустить дух...

За вчерашний день они успели изучить Гу Сьюаня: несмотря на юный возраст, этот человек был беспощаден, не признавал пустых слов и никогда не шутил.

Гу Сьюань остался безучастным.

— Смерть наступит только через два кэ (~30 минут), — холодно обронил он.

— ... — Цинь Хуай лишился дара речи.

Какая разница?! Он всё равно умрет!

Но Сыюань больше не обращал на них внимания. Он резко взмахнул рукой:

— Откройте ему рот.

Двое тюремщиков немедленно набросились на пленника.

Коу Юаньчу начал отчаянно брыкаться. Он совсем не походил на человека, который только что оставил предсмертную записку и готов был встретить смерть с достоинством.

Видя это, Цинь Хуай и остальные нахмурились и обменялись многозначительными взглядами. Желание броситься на перерез и остановить Сыюаня поутихло. Они годами варились в дворцовых интригах и не были дураками.

— Сначала сам пытался покончить с собой, а теперь, когда господин Гу решил ему помочь, — вдруг передумал.

— Быстро же у него меняются настроения.

— Хм, явно тут дело нечисто.

Гу Сыюань прищурился:

— Я читал в старинных записках, что те, кто побывал на пороге смерти и ощутил её ледяное дыхание, боятся конца куда сильнее обычных людей.

Троица судей посмотрела на него с сомнением, смешанным с невольным почтением:

— Господин Гу достоин звания первого в истории Чжуаньюаня, получившего «шесть первых мест». Поистине, вы необычайно начитаны.

Коу Юаньчу, слыша их непринужденную беседу, понял, что его жизнь для них не стоит и ломаного гроша. Он забился в припадке, выкрикивая:

— Гу Сыюань, ты не можешь убить меня! Ты хочешь заставить меня замолчать?! Ты дружен с семьей Ван, ты лучший друг Ван Сюя — ты хочешь убрать свидетеля, верно?!

Гу Сыюань лениво поднял веки и процедил:

— С чего бы мне тебя убирать? Я лишь исполняю волю благородного мужа, пожелавшего умереть. К тому же, здесь присутствуют трое почтенных судей. Стал бы я убирать свидетеля так открыто?

Коу Юаньчу уставился на него, хрипя:

— Моё самоубийство было ради долга и чести! Твоё убийство — это предательство и вероломство!

Глаза Гу Сыюаня блеснули:

— Стало быть, ты признаешь, что действовал по указке семьи Ван, когда крал и продавал оружие?

— ... — Коу Юанью осекся.

Почему этот человек никогда не играет по правилам? Ему хотелось ответить «да», но этого было мало. Он считал, что только его железная стойкость придаст показаниям ценность; признайся он слишком рано — и потеряет всякие рычаги влияния.

— Упрямый болван, — видя, что Коу снова замолчал, Гу Сьюань холодно усмехнулся и сделал знак тюремщику. — Принеси-ка круглую деревянную палку... вот такой толщины.

Спустя минуту тюремщик вернулся. В застенках Министерства наказаний всегда был богатый выбор «инструментов».

Гу Сьюань уставился на Коу Юанью. Его голос звучал пугающе ровно:

— Засуньте эту палку ему в глотку. Как можно глубже.

— ... — Цинь Хуай и остальные сглотнули. У них самих засадило в горле и заняло в животе.

В следующую секунду глаза Коу Юанью полезли на лоб.

— М-м-м... а-а-а!.. — из его горла вырывались лишь сдавленные звуки.

Его тело извивалось как жгут, но он никак не мог вырваться из железной хватки двух палачей.

Цинь Хуай с любопытством спросил Сьюаня:

— Но вы же обещали ему дать Хэдинхун?

Гу Сьюань ответил:

— Я сказал, что дам ему почувствовать вкус этого яда. В медицинских книгах пишут, что после принятия «Красного гребня» человек ощущает жжение в горле, тошноту и нестерпимую боль в животе, а затем его рвет, пока не пойдет одна желчь. Полагаю, ощущения от деревянной палки примерно такие же...

— ... — трое ветеранов переглянулись.

«До чего же ты находчив, парень!»

Через несколько минут Коу Юанью уже начал закатывать глаза.

Сьюань махнул рукой, приказывая остановиться.

Как только палку вытащили, Коу Юанью начал жадно глотать воздух, а затем, схватившись за живот, зашелся в рвоте. Из него вышло всё, что он ел за последние дни, пока не потекла одна горькая желчь.

Судьи невольно переглянулись: и впрямь, выглядит в точности так, как описывал Гу Сьюань. Они тут же поспешно отвернулись.

«Тьфу... Мы провели с этим Гу Сьюанем всего два дня, а уже сами начинаем превращаться в

извращенцев».

Гу Сьюань не обращал внимания на душевные метания стариков. Он смотрел на стоявшего на коленях Коу Юань с издевкой:

— Генерал Коу, вы меня разочаровали. Не прошло и половины времени, необходимого для заварки чая, а вы уже сдулись. Если бы вы по-настоящему приняли яд, вам пришлось бы терпеть это как минимум четверть часа.

Коу Юань с трудом поднял голову. В его глазах полыхала такая ярость, что казалось, он готов растерзать Сьюаня и выпить его кровь.

Гу Сьюань приподнял бровь:

— Что, хочешь продолжить? Я всегда рад помочь человеку в его стремлениях!

Коу Юань смотрел на него как на исчадие ада.

Наконец, растирая онемевшие челюсти и держась за живот, он почти истерично выкрикнул:

— Господин Гу, что... что именно вы хотите от меня услышать?!

Лицо Сьюаня вновь стало бесстрастным:

— Подробности вашего сговора с кукловодами и местонахождение спрятанного оружия.

Коу Юань замотал головой, задыхаясь:

— ...Я ни с кем не сговаривался. И я... я не знаю, где оружие.

— Не знаешь?.. — Гу Сьюань поднялся и с легкой улыбкой медленно подошел к нему.

В следующее мгновение он внезапно нанес мощный удар ногой. Его голос прозвучал ледяным холодом:

— Неблагодарная тварь. Раз ничего не знаешь — зачем ты мне тогда нужен?

Коу Юань рухнул лицом в пол и снова непроизвольно зашелся в рвотных позывах.

Цинь Хуай и остальные вздрогнули от внезапной вспышки гнева Сьюаня.

«Ох уж эта молодежь... то спокойные как лед, то взрываются как порох».

В этот момент в допросную вошли двое гвардейцев Лунсян.

— Почтенные господа, мы нашли их! — громко доложили они.

Лицо Гу Сьюаня немного смягчилось. Он кивнул:

— Приведите.

Цинь Хуай и остальные улыбнулись. Похоже, дело близится к развязке.

Гвардейцы ввели троих: мужчину, женщину и ребенка лет трех-четырёх.

Увидев их, Коу Юань, лежа на полу, широко распахнул глаза:

— Чжань-нян... Бао-эр... господин Хуан...

Гу Сьюань посмотрел на него сверху вниз с едкой усмешкой:

— О, неужели генерал Коу знаком с этой семьей?

Коу Юань даже не стал отпираться, он лишь ошеломленно переспросил:

— Семейей?!

Гвардеец пояснил:

— Когда мы их нашли, эта троица как раз садилась на судно в порту Тунчжоу, собираясь отплыть на юг.

Сьюань наступил сапогом на щеку Коу Юань, заставляя его смотреть на вошедших:

— А разве нет? Мальчик — вылитый отец.

Коу Юань мертвой хваткой впился взглядом в Бао-эра и господина Хуана. Его глаза едва не вылезли из орбит, а губы беспрестанно шептали: «Невозможно... этого не может быть...»

В этот момент ребенок, напуганный обстановкой, подбежал к господину Хуану, обхватил его за ногу и громко заплакал:

— Папа... папа, пойдем отсюда...

Лицо господина Хуана потемнело. Он понял, что многолетний план рухнул в одночасье. Он и представить не мог, что их найдут гвардейцы Лунсян, а Коу Юань останется жив.

Взгляд Коу Юань стал по-настоящему страшным.

— Чжань-нян, ты предала меня!

По первоначальному плану Чжань-нян должна была ждать его с ребенком в поместье в Тунчжоу. Он принял бы лекарство, вызывающее ложную смерть, и очнулся бы через семь дней. К тому времени они бы уже сменили обличье и покинули столицу, чтобы вернуться лишь тогда, когда Четвертый принц взойдет на престол.

Но теперь лекарство превратилось в настоящий яд, а ребенок оказался не его.

Глаза Коу Юань налились багровым, казалось, из них вот-вот брызнет кровь:

— Вы посмели обмануть меня... Вы посмели так со мной поступить! Вы заплатите за это... а-а-а!

Переулок Масо.

В неприметном дворике маленького дома росли два симметричных дерева камфоры. Хотя листва их не была густой, в этот знойный летний день они давали хоть какую-то тень, и стоять под ними было легче, чем под палящим солнцем.

Под деревом слева стоял Гу Чжэнь, глядя на собеседника с крайне сложным выражением лица:

— Не думал я, что с самого начала всё было у него как на ладони...

Услышав это, Се Чаньюэ почувствовал гордость и едва сдержал желание пропеть пару дифирамбов своему мужу, вовремя сообразив, что момент неподходящий. Сохраняя холодное выражение лица, он ответил Гу Чжэню:

— К счастью, он узнал об этом заранее. Иначе, когда бы ты утянул всю семью Гу в преисподнюю, они бы так и не поняли, за что им это.

Гу Чжэнь недовольно стиснул зубы:

— В преисподнюю? А может, это был путь прямо к небесам?

Се Чаньюэ насмешливо фыркнул:

— До сегодняшнего дня ты еще мог так говорить. Но верить в это сейчас — верх глупости.

Лицо Гу Чжэня побледнело. Спустя долгое время он моргнул и посмотрел на Чаньюэ:

— Ты специально пришел ко мне именно сейчас и наговорил столько всего... Чего ты от меня хочешь?

Се Чаньюэ произнес отчетливо, чеканя каждое слово:

— Я хочу, чтобы ты пошел в Министерство наказаний и донес на Шэнь Чанхуаня и Сяо Цзинчуаня.

Гу Чжэнь вздрогнул и решительно закачал головой:

— Невозможно. Я никогда так не поступлю с Чанхуанем.

Чаньюэ прищурился, и на его губах заиграла язвительная улыбка:

— С Шэнь Чанхуанем ты так поступить не можешь, а со своей семьей — можешь? Со своими родителями, бабушкой и бабушкой? Ты ведь знаешь, что измена — это тягчайшее преступление, за которое казнят девять поколений рода.

Лицо Гу Чжэня стало мертвенно-белым. Сначала он вообще не участвовал в делах с частными войсками, но со временем понял, чем занимается Шэнь Чанхуань. Однако он с детства привык защищать его: даже столкнувшись с таким святотатством, первым делом он подумал о том, как всё скрыть, чтобы с Чанхуанем ничего не случилось. А позже, когда Гу Сьюань стал возвышаться и блистать, Гу Чжэнь увидел в этом деле кратчайший путь, чтобы сократить разрыв между ними, и начал проявлять активный интерес.

Гу Чжэнь вскинул голову и громко расхохотался:

— Девять поколений? Ха! Но ведь ты и Гу Сьюань тоже входите в мои девять поколений! Неужели он допустит, чтобы это вскрылось? Красиво поешь про спасение семьи, а на деле печешься лишь о карьере Гу Сьюаня!

Се Чаньюэ остался невозмутим:

— Муж следил за тобой и знает, что ты не участвовал в этом напрямую — ты лишь знал и не донес. Конечно, это тоже преступление. Возможно, муж действительно пострадает из-за тебя и

лишится будущего, а возможно и нет — всё-таки вы разделили хозяйство, да и император благоволит ему. Но твои родители, дед и бабушка... их точно ждет позорная смерть или вечная ссылка.

Гу Чжэнь в ярости уставился на него:

— Ты мне угрожаешь! Не забывай, они и Гу Сьюаню родня!

Се Чаньюэ улыбнулся:

— Родня? Сказать по правде, мне плевать, выживут они или нет. С первого дня моего замужества они относились ко мне отвратительно и были несправедливы к моему мужу. И особенно... особенно я не выношу твою мать. Она несносная женщина, жадная до мелочей, сплетница, которая вечно обижала моего папу.

Гу Чжэнь прищурился:

— Есть ли смысл сейчас поливать грязью мою мать?

Чаньюэ игриво моргнул:

— Почему «поливать грязью»? Разве это не правда? Не лги мне: когда мой муж раскрыл, что Шэнь Чанхуань не захотел за тебя выходить именно из-за твоей матери, ты ведь и сам в глубине души злился на неё? Если бы она тогда не была такой корыстной и относилась к Шэнь Чанхуаню получше, у тебя был бы шанс быть с ним. Ты ведь наверняка об этом думал, верно?

Гу Чжэнь молчал. Это было правдой.

Се Чаньюэ, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Но даже так, какой бы плохой она ни была в глазах посторонних, ты не можешь её ненавидеть. Потому что знаешь: какой бы эгоистичной она ни была со всем миром, для тебя, для Гу Чжэня... она была готова на всё. Ли Сянтао была предана только тебе.

Гу Чжэнь зажмурился, его тело сотрясала крупная дрожь. Ему пришлось отступить на несколько шагов и опереться о ствол дерева, чтобы не упасть.

Се Чаньюэ спокойно спросил:

— Так что, Гу Чжэнь? Ты позволишь ей умереть из-за тебя? Просто вот так погибнуть?

Прошло немало времени. Гу Чжэнь сидел на скамье, его лицо было серым, как пепел:

— Он всё просчитал до мелочей.

Се Чаньюэ сухо ответил:

— Муж уже всё выяснил. Даже если ты не донесешь, судьба Шэнь Чанхуаня предрешена. Но судьба твоих родителей и стариков может измениться благодаря тебе.

Гу Чжэнь признал свое поражение. Посмотрев на Се Чаньюэ, он произнес напоследок:

— Гу Сьюаню очень повезло, что он женился на тебе тогда, вместо меня.

Се Чаньюэ уже шел к выходу. Услышав это, он обернулся и сверкнул глазами:

— Чувства становятся ценными, когда ими дорожат. Не стоит ни презирать чужие чувства, ни разбрасываться своими. Твое отношение к любви... пф-ф!

— ... — Гу Чжэнь.

Как же он язвителен. Но, пожалуй, он прав.

Гу Чжэнь тяжело вздохнул и коснулся рукой грубой коры камфоры.

Императорский дворец Великой Чжоу, зал Циньчжэн.

На утренней аудиенции главы Трех ведомств доложили императору Юнцзя о ходе допросов, назвав одним из главных заговорщиков Коу Юанью. В ответ министр Ван прямо в зале снял свою чиновничью шапку и отправился домой в добровольное заточение, ожидая решения своей участи.

Сразу после аудиенции император созвал принцев. Сначала он ледяным взглядом пронзил Пятого принца:

— Коу Юанью — муж твоей двоюродной сестры, не так ли? Это ведь твой дядя так настаивал на этом браке...

Несмотря на внезапную беду, Пятый принц держался прямо, хотя в его обычно мягком голосе слышалась тревога:

— Отец, я не смею отрицать родства с Коу Юанью. Но к делу о хищении оружия я не имею никакого отношения, клянусь своей головой.

В этот момент поступило срочное донесение из тюрьмы:

— Коу Юанью покончил с собой!

Лицо императора Юнцзя перекошилось от ярости. Он схватил со стола чашку с чаем и швырнул её на пол:

— И ты еще смеешь клясться головой?! Ха! Он уже гарантировал твою безопасность ценой своей жизни! Ты хоть понимаешь, кого он пытался защитить своим самоубийством?!

— Отец, у меня нет оправданий, но я действительно невиновен! — На спокойном лице Пятого принца впервые проступили трещины.

Коу Юанью покончил с собой... Весь мир знал, как много семья Ван сделала для него. Если он убил себя, чтобы спасти семью Ван и Пятого принца — это выглядело донельзя логично.

Четвертый принц стоял, опустив голову, а на его губах играла едва заметная улыбка. Иногда смерть свидетеля говорит куда больше, чем его слова.

Первый принц тоже не скрывал злорадства: Пятый совершил фатальную ошибку!

Император указал на Пятого принца:

— Конечно, у тебя нет оправданий! Как ты смеешь лгать мне в лицо? Рассказывай всё как есть,

и, быть может, я сохраню жизнь тебе и твоей матери!

Услышав столь суровые слова, Пятый принц побледнел:

— Отец...

В это время снаружи раздался голос глашатая:

— Ваше Величество, прибыли помощник министра Цинь, ученый Гу и генерал Сун.

— Впустить! — Император прищурился. Если вчера Гу Сьюань нашел Коу Юань, то сегодня он мог принести окончательные доказательства и указать местонахождение оружия.

Пятеро вошедших во главе с Цинь Хуаем низко поклонились:

— Ваше Величество.

Император сразу обратился к Гу Сьюаню:

— Сьюань, есть подвижки в деле?

Тот кивнул:

— Да. Мне нужно разрешение Вашего Величества на арест одного человека.

Император нахмурился:

— Я дал тебе золотой жетон, чтобы ты действовал по своему усмотрению. Зачем спрашивать разрешения на арест какого-то...

Гу Сьюань поднял голову и спокойно произнес:

— Поскольку это касается безопасности дворца и Вашего Величества, мне нужно ваше согласие. Я прошу разрешение на арест офицера гвардии Юйлинь — Сяо Цзинчуаня.

Глаза императора Юнцзя округлились.

Гвардия Юйлинь была одной из четырех элитных страж, отвечавших за безопасность дворца. Сяо Цзинчуань был ему хорошо знаком: старший сын генерала Чжэньнана, ученик великого командующего Цзи Хао. Он всегда находился рядом с залом Циньчжэн, и император доверял ему. Лишь недавно, после болезни, он вспомнил, что Сяо Цзинчуань когда-то был спутником Четвертого принца в учении. Это вызвало у него дискомфорт, и он отослал офицера подальше, не желая видеть людей принцев подле себя.

Оказалось, интуиция его не подвела. Если даже личная гвардия впутана в контрабанду оружия, то его жизнь висит на волоске.

Император взревел:

— Схватить! Немедленно! Доставить его ко мне живым!

— Слушаюсь, — кивнул Гу Сьюань и обратился к Сун Ци: — Генерал Сун, прошу гвардейцев Лунсян заняться этим.

Сун Ци коротко кивнул и тут же вышел.

Лицо Четвертого принца изменилось. Если Коу Юань мертв, как Министерство могло выйти на Цзинчуаня? Что пошло не так?..

Император подозрительно посмотрел на своего четвертого сына. В отличие от Первого принца с его правом первородства и Пятого с мощным кланом за спиной, Четвертый всегда был тихим и незаметным. Но, похоже, император недооценил «серую мышку».

Он спросил в лоб:

— Четвертый принц, Цзинчуань ведь был твоим соучеником?

— Был... Но Цзинчуань — офицер Юйлинь, как он может быть связан с хищениями в гвардии Шэньву? — Четвертый принц упал на колени, а затем с видом невинного агнца посмотрел на Гу Сьюаня: — Ученый Гу, вы уверены, что не ошиблись?

Гу Сьюань бросил на него безразличный взгляд:

— Раз у Четвертого принца есть сомнения в моей компетентности, я буду молчать. Здесь присутствуют господин Цинь и другие судьи — пусть они объяснят всё Вашему Высочеству.

Императору было не до этих мелких перепалок. Он посмотрел на Цинь Хуая:

— Цинь-айцин, говори ты. Как в этом оказалась замешена гвардия Юйлинь?

Цинь Хуай выступил вперед:

— Об этом сообщил сам Коу Юань.

Брови императора сошлись на переносице, взгляд стал ледяным. Он решил, что из него пытаются сделать дурака, используя имя покойника:

— Коу Юань... разве он не покончил с собой?

Цинь Хуай доложил:

— Он пытался. Но благодаря гвардейцам Лунсян, которые тайно следили за ним, его успели спасти.

Император резко встал:

— То есть он жив?!

— Да, — кивнул Цинь Хуай.

Пятый принц выдохнул. Пальцы Четвертого принца в широких рукавах судорожно сжались.

Император прищурился:

— Он был готов умереть, чтобы спасти того, кто за ним стоит. С чего бы ему вдруг заговорить сразу после спасения?

Вспоминая события утра, Цинь Хуай сам до сих пор чувствовал легкую оторопь, но ответил:

— Тут вышла целая история. На самом деле Коу Юаньфу не собирался умирать по-настоящему. Он планировал инсценировать смерть.

Услышав это, Четвертый принц медленно опустил голову. Он понял — всё кончено.

— Инсценировать? — император почувствовал, что слушает какую-то сказку.

— Да, — Цинь Хуай набрался смелости продолжить. — По словам Коу Юаньфу, еще до начала проверок в гвардии он договорился с заговорщиками: попав в тюрьму, он должен был продержаться один день, изображая верность, а наутро оставить кровавое письмо с признанием и «покончить с собой». Вся вина при этом ложилась бы на министра Вана и Пятого принца. Пилуля, которую он принял, вызывает состояние, неотличимое от смерти, но сохраняет жизнь в течение семи дней. Пока все взгляды были бы прикованы к Пятому принцу, заговорщики тайно подменили бы тело и помогли ему скрыться навсегда.

— Но благодаря предусмотрительности господина Гу, в тот момент, когда Коу Юаньфу собирался принять «лекарство», его остановили гвардейцы Лунсян. Позже, когда тюремный лекарь проверил содержимое, Коу Юаньфу узнал, что это был не препарат для ложной смерти, а настоящий яд. Поняв, что заговорщик нарушил обещание и решил убрать его как свидетеля, он начал активно давать показания.

Император Юнцзя потер виски и нахмурился:

— И в чем же он сознался?

Цинь Хуай продолжил:

— Коу Юаньфу заявил, что всё это было организовано по приказу Четвертого принца, а посредником выступал офицер Сяо Цзинчуань.

Четвертый принц тут же упал на колени, ударяясь лбом о пол:

— Отец, рассудите здраво! Как я мог совершить подобное? Коу Юаньфу — родственник Пятого брата, с чего бы ему подчиняться моему приказу и подставлять своего покровителя?

Император тоже нахмурился. Рассказ звучал складно, но где мотив? Он посмотрел на Цинь Хуая:

— Цинь-цин, всем известно, что Коу Юаньфу тесно связан с семьей Ван. То, что ты говоришь, не укладывается в голове.

Гу Сяюань про себя отметил: человеческую психологию нельзя объяснить одними лишь поверхностными родственными связями, особенно когда речь идет о браке по расчету.

Цинь Хуай начал терпеливо объяснять.

Коу Юаньфу происходил из семьи потомственных военных. Его отец обладал недюжинным талантом полководца и служил под началом губернатора Цзяннани, обороняя побережье от японских пиратов. Примерно десять лет назад, когда нынешний министр Ван занимал пост советника в префектуре Чжэцзян, они с отцом Коу были в прекрасных отношениях. Поскольку их дети были подходящего возраста, они договорились о помолвке.

Однако позже пираты высадились на берег. Губернатор проявил бездарность в командовании:

он не только с треском проиграл битву, но и, проявив трусость, отступил до прибытия подкрепления. Это привело к разорению деревень и массовой резне мирного населения. Все военные чины Чжэцзяна были этапированы в столицу. Кого казнили, кого сослали, кого лишили чинов. Отца Коу Юанью сослали в Линнань, и род Коу пришел в упадок.

Тем не менее, семья Ван всегда дорожила своей репутацией «благородных мужей». Даже когда Коу лишились всего, Ван не расторг помолвку. Свадьба состоялась, и после нее министр Ван пристроил зятя на службу в гвардию Шэньву. Люди наперебой восхваляли благородство и верность слову семьи Ван.

Поначалу Коу Юанью и впрямь был безмерно благодарен. Но шло время, до него долетали пересуды и шепотки. Его чувства начали меняться: вся доброта семьи Ван в его глазах приобрела привкус подачки и унижения. Он стал испытывать острую неприязнь и к своей жене, госпоже Ван.

Но он понимал, что всем обязан тестю и не может позволить себе открытую вражду. Поэтому внешне он стал еще более почтительным с семьей Ван и подчеркнуто заботливым с супругой. Даже когда спустя годы выяснилось, что жена бесплодна, он не взял ни наложниц, ни служанок в постель.

Семья Ван была в восторге от преданности зятя. Они даже чувствовали перед ним вину за «непутевую» дочь и начали продвигать его по службе еще активнее. Коу Юанью и сам, стиснув зубы, карабкался вверх. За несколько лет он прошел путь от рядового адъютанта седьмого ранга до офицера четвертого ранга, став вторым человеком в гвардии Шэньву.

Добившись этого, он обрел собственную власть. Тогда Коу Юанью не только завел на стороне тайную любовницу и сына, но и объединился с Четвертым принцем, чтобы начать планомерную месть семье Ван.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281597>